

Маркова Е. А. Творчество С. Беккета в контексте «Записок из подполья» Ф. М. Достоевского / Е. А. Маркова // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 174—184. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-174-184.

Markova, E. A. (2020). Creative Works of S. Beckett in the Context of “Notes from the Underground” by F. M. Dostoevsky. *Nauchnyi dialog*, 12: 174-184. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-174-184. (In Russ.).

УДК 82.091+821.111Beckett.04+821.161.1Достоевский.07
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-174-184

ТВОРЧЕСТВО С. БЕККЕТА В КОНТЕКСТЕ «ЗАПИСКИ ИЗ ПОДПОЛЬЯ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО¹

© Маркова Екатерина Александровна (2020), orcid.org/0000-0001-5954-1440, ResearcherID AAF-6782-2019, SPIN 1215-5391, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН); ассистент кафедры русской и зарубежной литературы, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН) (Москва, Россия), glazkova1992@gmail.com.

Представлены результаты сопоставительного анализа повести «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского и произведений С. Беккета. Показано, как Беккет критически осмысляет основные романы русского писателя. Новизна работы видится в том, что проблема Беккета как «наследника» Достоевского и его «Записок из подполья» рассматривается в отечественном литературоведении практически впервые. На материале пьес «В ожидании Годо», «О всех падающих», романа «Моллой» и рассказа «Первая любовь» автор демонстрирует, как в творчестве Беккета преломляются темы, мотивы и образы Достоевского. Особое внимание уделено мотиву «подпольной» любви. Обнаружено сходство между повестью Достоевского и произведениями Беккета в пространственно-темпоральных характеристиках (неопределенность места действия, нелинейность времени, повторяемость ситуаций). Доказано, что эти характеристики служат для обозначения мира без Бога, в котором потеряны ориентиры и цели, сломлены позитивные и рациональные основания. Установлено, что у Достоевского Подполье остается «темным углом», за которым есть «большой мир», у Беккета же оно заполняет собой весь мир.

Ключевые слова: Достоевский; Беккет; Подполье; рецепция.

1. Введение. История вопроса

Попытки отыскать точки соприкосновения творчества Сэмюэля Беккета (Samuel Beckett, 1906—1989) и произведений Федора Михайловича Достоевского (1821—1881) в отечественном литературоведении практически не предпринимались. Исключением можно считать работу М. Г. Анищенко, в которой установлены некоторые переклички между Достоевским и драмой абсурда: «функция власти передоверена обезличенной силе»; «отсутствие исходных доктрин и миражей упорядоченного мира»; «особое смысловое наполнение категорий “свое” и “чужое”, “неполноценный” диалог»; «тотальная несвобода героев»; «трагизм, оборачивающийся непредусмотренным комизмом» [Анищенко, 2011, с. 167].

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-90044 Достоевский «“Записки из подполья” Ф. М. Достоевского и проблема “подпольного человека” в культуре Европы и Америки конца XIX—начала XXI вв.».

В зарубежном литературоведении, в отличие от отечественного, сближение Беккета и «Записок из подполья» давно стало традиционным. Ф. Хоффманн обнаруживает, что идиостиль писателя соотносим в большей степени не с произведениями его непосредственных предшественников (Джойса или Камю), но с «Записками из подполья». Исследователь полагает, что литературный и театральный успех Беккета обусловлен предложенным им «особым вариантом драматизации повествования о “я”» (здесь и далее перевод наш, если не указано иное. — Е. М.) [Hoffman, 1962, p. 9]. По Хоффману, именно в «Записках» прослеживается зарождение нарратива, выявляющего «метафизическое отчаяние», вызванное «глубоко личным, религиозно окрашенным сомнением», а также разочарованность как в «болезни сознания», так и в «романтической неопределенности религии» [Ibid, p. 10]. Подпольный рассматривается как символ маргинального «я», его прообраз, питающий героев Кафки, Камю, Сартра — писателей-экзистенциалистов, к которым примыкает и Беккет.

Исследователи вписывают творчество Беккета в традицию «литературного мемуара» [Kennedy, 1989, p. 125], начатую «Записками из подполья». В этих «мемуарах» рассказчик, бесконечно одинокий, находящийся на грани бытия и небытия, говорит о себе и для себя. С одной стороны, Беккет выступает продолжателем этой традиции, подхватывает мотивы внутреннего подполья, с другой — расширяет ее рамки, демонстрируя «физический и метафорический финал» [Ibid] истории своего героя. Корни беккетовского абсурда распознаны и в русской литературе в целом — не только в «Записках из подполья», но и в «Записках сумасшедшего» Гоголя [Webb, 1970, p. 18]. Герои романной трилогии Беккета восприняты как «преемники» Подпольного: их роднит одиночество, «расщепление сознания» и стремление «заставить читателя с помощью иронии почувствовать подобность» «подпольному» сознанию [Ibid, p. 19].

К. Келер в сопоставительной статье о Достоевском, Беккете и О’Ниле выделяет несколько типов антигероя. Несмотря на то что Подпольный и герои Беккета отнесены к разным типам (Подпольный — «пораженец-позер», герои Беккета — «неисправимые беспочвенные мечтатели» / «сами-для-себя-актеры» [Келер, 2007, с. 274]), Келер улавливает определенное сходство: «Все они в той или иной степени эскаписты» [Там же, с. 276].

Исследователи замечают и различия в тональности голосов Подпольного и героев Беккета. По Э. П. Леви, в «Записках» слышен голос «я», открыто признающего себя в личных сомнениях и метаниях, которые мы обычно предпочитаем скрывать», герой же Беккета «настойчивым голосом» пытается «высказать смысл жизни человека» [Levy, 1980, p. 128]. С. Дж. Роузен, вписывающий Беккета в некую «пессимистическую традицию», сложившуюся в мировой литературе, также обращается к истории Подпольного, смакующего свою боль, зубную и душевную. Это обращение необходимо, чтобы объяснить «более интригующую озлобленность» беккетовских героев, чем желчность Подпольного [Rosen, 1976, p. 42]. Моллой и Подпольный — «безразличные искатели» [Ibid, p. 43], выразители подпольной философии жизни, согласно которой смысл бытия — в «беспрерывности процесса достижения», а не в самой цели [Достоевский, 1973, с. 118]. Моллой «находит утешение в осознании своего неведения», в то время как Подпольный испытывает

возбуждение при мысли о своем душевном разладе и приравнивает его к самой жизни, что как бы дает ему преимущество над теми, кто постулирует рациональность жизни [Rosen, 1976, p. 43]. Эта особая витальность протеста против рационалистического взгляда на мироустройство присуща и «наследникам» Подпольного — Бардаму Селина или Мерсо Камю. Герои Беккета, в отличие от своих «предшественников», «не оправдывают свою мизантропию», и их ненависти «недостает последовательности и благородства», их мизантропия комична [Ibid]. Подхватывая рассуждения Подпольного о «сознании», Роузен заявляет, что «сознание» героев Беккета направлено, главным образом, на «попытки рационализировать его [сознания] неспособность обрести покой» [Ibid, p. 95].

2. Достоевский и «Записки из подполья» в круге чтения Беккета

Анализ, предложенный исследователями творчества Беккета, построен лишь на сходстве типологическом. Вместе с тем возможно установление и вероятных генетических связей. Хотя неизвестно, был ли текст «Записок» знаком Беккету, об этой повести он получил представление через книгу А. Жид «Достоевский» («Dostoïevsky», 1923), на которую ссылается в лекциях о французской литературе [Le Juez, 2008]. А. Жид, высоко ценивший русского писателя, выделяет «Записки» особо: «<...> в “Записках из подполья” Достоевский достигает вершины своего творчества. Эту книгу я рассматриваю (и не только я один), как замок свода всего его творчества» [Жид, 1994, с. 88]. По А. Жиду, Достоевский стал едва ли не первым писателем, «доведшим монолог до того совершенства и утонченного разнообразия, каких могла достигнуть эта литературная форма» [Там же, с. 106], и сделано это было именно в «Записках из подполья». Эта повесть, отмечает А. Жид, может быть воспринята как критика «человека действия», который, «по Достоевскому, всегда является умом посредственным, ибо ум горделивый лишен способности действовать сам; он увидит в деятельности нечто компрометирующее, некоторое ограничение своей мысли <...>» [Там же, с. 108]. Подмечает французский писатель у Достоевского и мотив унижения, усиливающего гордость (в противовес смиренню — отказу от гордости), заявляющий о себе в «Записках».

Беккет мог опосредованно усвоить повесть Достоевского не только через А. Жид, но и через французских экзистенциалистов. Камю в сознании Беккета был тесно связан с Достоевским. В одном из писем Беккет упоминает выполненную Камю постановку «Бесов» [Beckett, 2009, p. 55] и затем рассказывает о своих впечатлениях — спектакль показался ему «гнетущим» [Ibid, p. 57]. Известно, что Беккет читал «Постороннего» («L'Étranger», 1942) Камю и «Тошноту» («La Nausée», 1938) Сартра [Beckett, 2012, p. 493] — произведения, что не раз было отмечено, впитавшие в себя «подпольный дух» [Тарасов, 2019, с. 117].

Нельзя также исключить, что знакомство Беккета с повестью могло состояться без «посредников» в 1930-е годы, когда Беккет увлекся творчеством русского писателя. После смерти Беккета в его библиотеке были обнаружены роман «Преступление и наказание» (1866), один из переведенных номеров «Дневника писателя» и изданный отдельно отрывок «Исповедь Ставрогина». Кроме того, до нас дошел отзыв Беккета

о романе «Бесы» (1872). Он отметил нескладность перевода и допустил, что и оригинал был написан «плохо и небрежно» [Beckett, 2009, p. 79]. И все же отзыв трудно назвать отрицательным: Беккет восторженно прокомментировал сюжетную динамику романа. Беккет вспоминает об А. Жиде в связи с романом «Бедные люди» (1845): «Жид надеется закончить тем, с чего начал Достоевский, с “Бедных людей”» [Ibid, p. 154]. В редакторском примечании к этому письму высказано предположение, что речь идет о «размышлениях о бедности в Африке (“Путешествие в Конго”, 1927; “Возвращение в Чад”, 1928)» А. Жиде [Ibid, p. 155]. Есть в письмах Беккета и отсылка к «Братьям Карамазовым» (1880) [Ibid, p. 350]. Беккет чувствовал себя достаточно уверенным читателем Достоевского, чтобы выразить желание сочинить книгу о русском писателе [Ibid, p. 60]. Правда, этот замысел остался неисполненным.

В эссеистике Беккета Достоевский упоминается в эссе «Пруст» («Proust», 1930). Рассуждая о темпоральности в произведениях Пруста, Беккет сравнивает французского писателя с Достоевским, «презиравшим вульгарность правдоподобной последовательности событий» [Beckett, 1987, p. 81—82]. Одно из замечаний Беккета будто бы отсылает к «Запискам из подполья» и идеям Подпольного о иррациональности мира. Беккет повторяет мысль Шопенгауэра об «искусстве как “созерцании мира независимо от принципа рациональности”» [Ibid, p. 87] и связывает с этой идеей творчество Пруста и Достоевского, «не объясняющего своих героев» [Ibid].

3. Подполье Достоевского как прообраз абсурдного мира в драматургии и прозе Беккета

Требуем рассмотрения вопрос влияния всех основных произведений Достоевского на творчество Беккета. В этой статье мы остановимся только на «Записках из подполья». Причиной тому — явное тематическое, стилистическое и отчасти образное сходство этой повести с текстами Беккета, а также ее первостепенное значение для писателей (прежде всего экзистенциалистов), за которыми Беккет во многом следует. Сопоставив «Записки из подполья» с некоторыми, на наш взгляд, наиболее близкими к этой повести произведениями Беккета, мы наметим подходы к проблеме Беккета как «наследника» Достоевского.

В первом варианте пьесы «В ожидании Годо» (фр. «En attendant Godot», 1949; англ. «Waiting for Godot», 1952) Эстрагон, обращаясь к Владимиру, восклицает: «Поговори со мной о подполье!» (или «Давай поговорим из подполья!») / «Parle-moi du sous-sol!» [Beckett, 1952, p. 86]). Эстрагон не помнит, что произошло накануне, и не понимает, что ему пытается объяснить Владимир. Эстрагону кажется, что он всегда находился в месте действия: «Узнаешь! И что же я должен узнавать? Всю свою жизнь я как полный идиот скитаюсь по этой пустыне!» [Ibid]. Эстрагон, сам того не сознавая, предлагает Владимиру спуститься в глубины «я», поспорить по поводу того, что реально, а что не реально, что ему приснилось, а что случилось наяву, что рационально, а что иррационально, что есть шаг вперед, а что — топтание на месте. Подобно Подпольному, герои пьесы Беккета помещены в неопределенное пространство, пребывают в вечном движении к неизвестным ориентирам, в мире без Бога, где все границы, физические и нравственные, сметены. Их единственной,

абсолютно абсурдной «выгодой», выгодой «не по табличке», становится ожидание Годо, некоей спасительной фигуры. Мир Подполья — также мир без Бога, и сам герой Достоевского утопает в «яде неудовлетворенных желаний» [Достоевский, 1973, с. 105], стремится к пределам неведомым, отвергает хрустальный дворец, символ всеобщего идеала, но новый идеал построить неспособен. В отличие от героев пьесы Беккета Подпольный не ищет ни Бога, ни спасения, потому что он хочет «утвердить <...> свое право на полную и абсолютную волю и свое право распоряжаться окружающим и окружающими по собственному усмотрению» [Бузина, 2011, с. 23], вступая в процесс самообожения.

Нескончаемое ожидание Годо, замыкающее круг существования героев Беккета, «придающее хаосу форму» [Микеладзе, 2014] и обуславливающее модальность сомнения-недоумения, соотносимо с непрерывной невротической рефлексией Подпольного. Для исповеди Подпольного характерны повторы, снова и снова возобновляющееся онтологическое вопрошание. Действие пьесы Беккета также следует как бы по окружности, основываясь на повторах как реплик, так и ситуаций (герои много раз собираются расстаться, уйти, повеситься и т. д.). И Подпольный, и беккетовские герои оказываются в срединном, переходном пространстве и не могут из него вырваться. Подпольный — потому что «будущее как возможность духовного преображения вообще не присутствует в [его] сознании» [Живолупова, 2016, с. 191]. Герои Беккета — потому что живут надеждой на спасение, иллюзорной в мире, «в котором все неопределенно и граница между мечтой и действительностью постоянно меняется» [Эслин, 2010, с. 73].

Мотив обреченности жизни на повторяемость явлен и в образе «тихого подполья» в радиопьесе «О всех падающих» («All That Fall», 1956). Слепой мистер Руни рассказывает о своей рабочей рутине, ритуале, совершаемом в «тихом подполье». Герой чувствует, что весь мир «погребен заживо», «зашел в тупик» [Beckett, 2010, p. 28], что жизнь человека замкнута в кольцо и ей суждено бесконечно повторяться.

По пути домой со станции, где мистера Руни встретила жена, он признается ей в тайном, «подпольном», абсолютно иррациональном желании: однажды он испытал нестерпимый порыв убить ребенка, который едва удалось подавить. В финале пьесы загадка задержки поезда, на котором прибыл мистер Руни, разрешена: общается, что из вагона выпала девочка и попала под колеса. Ответ на вопрос, стал ли мистер Руни убийцей, в пьесе не дан.

Если отсутствие Бога в Подполье очевидно, то в пьесе Беккета в традиционной для него манере устами героя заявляется о существовании Бога — цитируется 145 псалом, — и вместе с тем все происходящее в пьесе противоречит этому заявлению. Падающие не поддержаны, а слепые не прозрели — девочка, упав, погибла, а мистер Руни не обрел зрение, или, может быть, Бог не уберег его от падения, страшного греха, и не открыл ему глаза на истину, любовь и добро.

То, что в творчестве Достоевского остается Подпольем, то есть неким маргинальным, миноритарным мировосприятием, у Беккета заполняет собой все пространство художественного текста. Противопоставление, заявленное Подпольным, — «я-то один, а они-то все» [Достоевский, 1973, с. 125] — у Беккета переосмыслено. «Я» и «другой»

в его произведениях еще более неспособны к коммуникации (ведь «театр абсурда стремится к радикальной девальвации языка» [Эсслин, 2010, с. 27]), чем Подпольный и внешний мир, и «подпольные» черты обретают все беккетовские образы и персонажи.

Монолог Подпольного — нескончаемый спор расколотых голосов. Таков и нарратив романов Беккета, хотя в его героях нет злобы Подпольного, его яростного сопротивления рационалистическому миру, ведь этого мира у Беккета уже не существует. Вместо злости Подпольного их охватывает растерянность. В романе «Моллой» («Molloy», 1947) читаем: «Когда я ничего не сделаю, он мне ничего не дает, ругает меня. Только я не ради денег пишу. Тогда для чего? Не знаю» [Беккет, 2008, с. 5]. В действиях Моллоя нет никакой логики, даже парадоксальной. Есть лишь рассыпающаяся на фрагменты реальность — Моллой «пускается в дорогу, в ту дорогу, о которой ничего не знал» [Там же, с. 38]. Моллой ощущает, что ему дано лишь «не хотеть сказать, не знать, что хочешь сказать, быть не в состоянии сказать то, что, по-твоему, ты хочешь сказать, и все время говорить» [Там же, с. 40].

Пожалуй, ближе всего к Подпольному герой рассказа «Первая любовь» («Premier Amour», 1946). Он, предпочитающий запах мертвых запахам живых, такой же мизантроп, как и Подпольный. Его самооценка амбивалентна — он чувствует собственное превосходство, признает в себе «царя без подданных» и в то же время ненавидит себя («Иные мои сочинения — не успеют чернила высохнуть, как они вызывают во мне отвращение» [Беккет, 2015, с. 7]). Подпольный выглядит рафинированным джентльменом рядом с героем Беккета, в одни моменты не стесняющимся в выражениях, а в другие уподобляющим себя Бодлеру и по-декадентски наслаждающимся запахом и видом сгнившего гиацинта. Парадоксалист Беккета утверждает, что «любовь выявляет в человеке все самое худшее» [Там же, с. 20]. В абсурдном мире не существует рамок и критериев, дефиниции теряют свою значимость: объектом любви героя, по его собственным словам, могла быть любая женщина, «без возраста, без формы», а сам он не понимает, «в чем должна состоять красота» [Там же, с. 27]. Его возлюбленной становится проститутка, с которой он связывает себя, неизвестно зачем и почему. Не только род ее занятий напоминает о героине повести Достоевского, но и ее имя, Лулу, кажется эхом имени Лизы, его упрощенным, искаленным вариантом.

Беккетовский герой, в свою очередь, представляется пародией на Подпольного, его «сниженной» версией. Герой «Первой любви» не интеллектуал, блестящий познаниями в области науки и философии. Его рефлексия поверхностна — оценка событий, чужих и собственных поступков для него крайне затруднительна и замыкается в основном на физическом мире («Похоже на запор, правда? Или я путаю с поносом? Все перемешалось в голове, кладбища и свадьбы, и вариации стула» [Там же, с. 10]). Подпольный же — личность «слишком сознающая», способная зафиксировать и даже отчасти осмыслить быструю смену своих чувств. Не отличается герой Беккета и стремлением к «высокому», которое демонстрирует Подпольный наяву или в своих фантазиях.

Сходства и расхождения между этими героями громче всего заявляют о себе в их историях любви. Для них обоих связь с проституткой должна была стать «диалогом, который можно контролировать» [Ayers, 1998, p. 400]. Вместе с тем нельзя

согласиться с тем, что Подпольный «совершает акт благотворительности и сочувствия» [Ibid], пытаюсь «открыть глаза» Лизе на ее падшую жизнь [Ibid]. Думается, у Подпольного нет никакого замысла, его охватывает горячее желание спасти заблудшую душу, вернуть ее в царство света. Когда порыв героя проходит, ситуация переворачивается, и он действительно становится для Лизы «объектом сострадания» [Ibid]. Если Подпольный стыдится ее сострадания, ненавидит ее за него («Страшная злоба против нее закипела вдруг в моем сердце; так бы и убил ее, кажется» [Достоевский, 1973, с. 172]), а в иные моменты всем нутром тянется к ней, герой Беккета «без тени сомнения принимает щедроты “подобного существа” и даже злоупотребляет ими» [Ayers, 1998, p. 400]. Подпольный раздираем противоположными чувствами. Он злится, перекалывает вину в своем позоре на Лизу («Я злился на себя, но, разумеется, достаться должно было ей» [Достоевский, 1973, с. 172]), и в то же время его манит «живая жизнь» [Там же, с. 276]. Не таков герой «Первой любви» — не возлюбленная покидает его, а он сам оставляет ее, без самобичевания, свойственного Подпольному. Если Подпольный сует деньги Лизе и считает это жестом унижения, то герой Беккета без смущения живет за счет Лулу, торгующей телом.

Он живет «живой жизнью», хотя она ему досажает, — символом этой досады оказывается равнодушие героя к беременности Лулу и его уход в день рождения ребенка. Беккетовский герой предполагает, что ему «следовало любить и других» [Там же, с. 40]. Однако тут же оговаривается: «Но ведь сердцу не прикажешь» [Там же]. Переехав к Лулу, он убирает из комнаты все вещи, и единственной поверхностью остается каминная полка, на которой стоит сгнивший гиацинт. Его комната, таким образом, символизирует пустоту сознания (человека совсем не сознающего, в отличие от Подпольного), а отсутствие предметов — мир без опор, без определений. Гиацинт становится знаком умирания, ощущаемой героем телесности и неизбежной тленности мира, в котором все рождается и умирает. Рассказ замыкается в кольцо жизненного цикла: в начале истории умирает отец героя, в ее конце рождается его ребенок.

Смерть отца можно трактовать как символ смерти Бога, утраты отеческой фигуры, задающей миру рамки и границы, представления о добре и зле. Всего этого лишен герой беккетовского рассказа — его выгоняют из отцовского дома, он попадает к проститутке и затем оказывается под звездным небом, к которому он обращается и не получает ответа: «Я не слишком хорошо понимал, где нахожусь. Среди звезд и созвездий я поискал Колесницу, но не нашел» [Там же]. Подразумевается, что и в мире Подпольного Бога нет: «<...> в “Записках из подполья” он [Достоевский] сосредоточивается на земле самой по себе, как бы принимая исходную посылку всяких “устроителей человечества” без Бога» [Касаткина, 2019, с. 120]. Мир без Бога в рассказе Беккета оборачивается подобием мира Подпольного — миром абсурдным, в котором человек нелеп, смешон, «ищет, но боится найти» [Там же], поступает вопреки очевидной пользе и здравому смыслу.

4. Заключение

Итак, более всего роднит творчество Беккета с «Записками из подполья» тема богооставленности человека и связанная с нею потеря прежних опор, ориентиров

и ценностей. Подпольный не понимает, чего он ищет, как многие герои Беккета не понимают, где они находятся, куда и зачем держат путь. Как и Достоевский, Беккет исследует иррациональные основания мира, чьи смутные очертания стали проступать по мере секуляризации общества, в котором и сама вера в итоге оказывается чем-то беспочвенным (образ Годо).

Бога нет — и внутри человека зарождаются желания, противоречащие здравому смыслу и закону Божию и даже земному (порыв мистера Руни убить ребенка). Именно о таких желаниях говорит Подпольный: «Свое собственное, вольное и свободное хотенье <...> есть та самая, пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни под какую классификацию не подходит и от которой все системы и теории постоянно разлетаются к черту» [Достоевский, 1973, с. 113]. Однако когда герой Достоевского или практически любой герой Беккета получает право свободного выбора, он оказывается невозможным, потому что человек не может осознать свое желание. Эстрагон и Владимир грезят о встрече с Годо, но не понимают, что им эта встреча сулит. Подпольный рассуждает о «свободном хотенье» и бездействует в Подполье. Здесь надо оговориться: для Достоевского путь Подпольного остается ложным, и идеал сопряжен с христианством [Касаткина, 2019, с. 116; Криницын, 2001, с. 49—55, 83—96]. Беккет, напротив, от христианства отказывается и демонстрирует неспособность человека найти иные смыслы.

Беккетовским произведениям присуща нелинейность времени, о которой он пишет в связи с Прустом и Достоевским. Она также заявляет об иррациональности мира и бессилии разума. Счет времени в Подполье будто и не ведется (неизвестно, как долго говорит герой Достоевского), то же происходит и у Беккета (неизвестно, как долго герои ждут Годо или путешествует Моллой). Нелинейность времени соотнесена с волей героев (или ее отсутствием) и выражена композиционно и стилистически — через повторы ситуаций и реплик.

Потребность раскрыть тайный смысл бытия приводит Подпольного и героев Беккета в движение — хождение по закодированному кругу. Ответы на терзающие их вопросы оказываются недоступными для личности, пребывающей в состоянии «я», за рамки которого она выйти неспособна. Не только познание «другого», но и самопознание невозможно для Подпольного и героев Беккета, переживающих процесс постепенного распада, устремления к нулю, пустоте.

От классической картины мира, в яростную полемику с которой вступил Подпольный, в абсурдистских произведениях Беккета не остается и следа. Его герои ни с чем не спорят, не протестуют, потому что не в силах ощутить «почву под ногами», выстроить систему координат, существуют как бы в невесомости. Герой Достоевского еще артикулирует бессмысленность и нелепость бытия, открывшуюся вслед за развенчанием достижений позитивизма и рационалистических идей. Подпольный формулирует потребность в высшей идее, «последней мечте, с которой они [герои Достоевского] связывают обретение смысла жизни» [Криницын, 2001, с. 41]. Герои же Беккета почти потеряли способность стройно мыслить и складно говорить, но — подобно Подпольному — находятся в постоянном движении в неведомом направлении или ожидании чего-то неизвестного.

Источники и принятые сокращения

1. *Беккет С.* Моллой / С. Беккет. — Москва : Текст, 2008. — 301 с. — ISBN 978-5-7516-0674-9.
2. *Беккет С.* Первая любовь: избранная проза / С. Беккет. — Москва : Текст, 2015. — 189 с. — ISBN 978-5-7516-1257-3.
3. *Достоевский Ф. М.* Записки из подполья / Ф. М. Достоевский // *Собрание сочинений* : в 30 томах. — Ленинград : Наука, 1973. — Том 5. — С. 133—245.
4. *Жид А.* Достоевский. Эссе / А. Жид. — Томск : Водолей, 1994. — 287 с. — ISBN 5-7137-0021-6.
5. *Beckett S.* All that Fall: The Collected Shorter Plays by Samuel Beckett / S. Beckett. — New York : Grove Press, 2010. — P. 1—34. — ISBN 9780802144386.
6. *Beckett S.* En attendant Godot / S. Beckett. — Paris : Les Editions de Minuit, 1952. — 132 p.
7. *Beckett S.* The Letters of Samuel Beckett / S. Beckett. — Cambridge : CUP, 2009. — Vol. 1. — 782 p. — ISBN 9780521867931.
8. *Beckett S.* The Letters of Samuel Beckett / S. Beckett. — Cambridge : CUP, 2012. — Vol. 2. — 791 p. — ISBN 978-0521867948.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бузина Т. В.* Самообожение мелкого беса в «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского / Т. В. Бузина // *Вестник ЛГУ им А. С. Пушкина*. — 2011. — № 1. — С. 22—30.
2. *Живолупова Н. В.* Покаянный псалом, исповедь и теодицея как источники внутренней формы исповеди антигероя / Н. В. Живолупова // *Язык. Культура. Коммуникация*. — 2016. — № 1. — С. 190—199.
3. *Касаткина Т. А.* Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания / Т. А. Касаткина. — Москва : Водолей, 2019. — 336 с. — ISBN 978-5-91763-488-3.
4. *Келер К.* Антигерой у Достоевского, Сэмюэля Беккета и Юджина О'Нила / К. Келер // *Достоевский : материалы и исследования*. — Санкт-Петербург : Наука, 2007. — С. 274—280. — ISBN 978-5-02-026501-1.
5. *Криницын А. Б.* Исповедь подпольного человека : к антропологии Ф. М. Достоевского / А. Б. Криницын. — Москва : Макс Пресс, 2001. — 370 с. — ISBN 5-317-00273-7.
6. *Микеладзе Н. Э.* Три притчи Царствия Небесного в пьесе С. Беккета «В ожидании Годо» [Электронный ресурс] / Н. Э. Микеладзе // *Медиаскоп*. — 2014. — № 2. — Режим доступа : <http://www.mediascope.ru/1534> (дата обращения: 23.11.2020).
7. *Тарасов Б. Н.* «Закон Я» и «закон любви» в антропологии христианского реализма Ф. М. Достоевского и экзистенциалистского гуманизма Ж.-П. Сартра / Б. Н. Тарасов // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. — 2019. — № 2. — С. 112—125. — DOI: 10.25991/VRHGA.2019.20.3.011.
8. *Эсслин М.* Театр абсурда / М. Эсслин. — Санкт-Петербург : Балтийские сезоны, 2010. — 527 с. — ISBN 978-5-903368-40-2.
9. *Ayers C.* An Interpretative Dialogue: “First Love” and Bakhtin’s Categories of Meaning / C. Ayers // *Beckett Versus Beckett*. — Amsterdam ; Atlanta (GA) : Rodopi. — 1998. — Vol. 7. — P. 391—406. — ISBN 9789042007543.
10. *Hoffman F.* Samuel Beckett: The Language of self / F. Hoffman. — Carbondale (IL) : Southern Illinois University Press, 1962. — 200 p.
11. *Kennedy A. K.* Samuel Beckett / A. K. Kennedy. — Cambridge : CUP, 1989. — 175 p. — ISBN 9780521274883.
12. *Le Juez B.* Beckett Before Beckett: Samuel Beckett’s Lectures on French Literature / B. Le Juez. — London : Souvenir Press, 2010. — 96 p. — ISBN 9780285638624.

13. *Levy E. P. Beckett and the Voice of Species: A Study of the Prose Fiction* / E. P. Levy. — Totowa (NJ) : Barnes & Noble Books, 1980. — 145 p. — ISBN 9780389200048.
14. *Rosen S. J. Samuel Beckett and the Pessimistic Tradition* / S. J. Rosen. — New Brunswick (NJ) : Rutgers University Press, 1976. — 252 p. — ISBN 9780813508092.
15. *Webb E. Samuel Beckett: A Study of His Novels* / E. Webb. — Seattle (WA) : University of Washington Press, 1970. — 192 p. — ISBN 9780295950594.

CREATIVE WORKS OF S. BECKETT IN THE CONTEXT OF “NOTES FROM THE UNDERGROUND” BY F. M. DOSTOEVSKY¹

© **Ekaterina A. Markova (2020)**, orcid.org/0000-0001-5954-1440, ResearcherID AAF-6782-2019, SPIN 1215-5391, PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (IMLI RAS); Assistant, Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN) (Moscow, Russia), glazkova1992@gmail.com.

The results of a comparative analysis of the story "Notes from the Underground" by F. M. Dostoevsky and the works of S. Beckett are presented in the article. It is shown how Beckett critically interprets the main novels of the Russian writer. The novelty of the work is seen in the fact that the problem of Beckett as the "heir" of Dostoevsky and his "Notes from the Underground" is considered in Russian literary criticism for almost the first time. Based on the plays "Waiting for Godot", "All that Fall", the novel "Molloy" and the story "First Love", the author demonstrates how Dostoevsky's themes, motives and images are refracted in Beckett's work. Particular attention is paid to the motive of "underground" love. A similarity was found between Dostoevsky's story and Beckett's works in spatial and temporal characteristics (uncertainty of the scene, nonlinearity of time, repetition of situations). It has been proven that these characteristics serve to designate a world without God, in which landmarks and goals are lost, positive and rational foundations are broken. It has been established that for Dostoevsky the Underground remains a "dark corner" behind which there is a "big world", while for Beckett it fills the whole world.

Key words: Dostoevsky; Beckett; Underground; reception.

MATERIAL RESOURCES

- Beckett, S. (1952). *En attendant Godot*. Paris: Les Editions de Minuit. 132 p. (In French.)
- Beckett, S. (2009). *The Letters of Samuel Beckett, 1* Cambridge: CUP. 782 p. ISBN 9780521867931.
- Beckett, S. (2010). *All that Fall: The Collected Shorter Plays by Samuel Beckett*. New York: Grove Press. 1—34. ISBN 9780802144386.
- Beckett, S. (2012). *The Letters of Samuel Beckett, 2*. Cambridge: CUP. 791 p. ISBN 978-0521867948.
- Bekket, S. (2008). *Molloy* [Molloy]. Moskva: Tekst. 301 p. ISBN 978-5-7516-0674-9. (In Russ.)
- Bekket, S. (2015). *Pervaya lyubov': izbrannaya proza* [First love: selected prose]. Moskva: Tekst. 189 p. ISBN 978-5-7516-1257-3. (In Russ.)
- Dostoevskiy, F. M. (1973). *Zapiski iz podpolya* [Notes from the underground]. *Sobraniye sochineniy* [Collected works], 30/5. Leningrad: Nauka. 133—245. (In Russ.)
- Zhid, A. (1994). *Dostoevskiy. Esse* [Dostoevsky. Essays]. Tomsk: Vodoley. 287 p. ISBN 5-7137-0021-6. (In Russ.)

1 The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-012-90044 Dostoevsky "Notes from the Underground" F. M. Dostoevsky and the problem of the "underground man" in the culture of Europe and America at the end of the 19th and the beginning of the 21st centuries".

REFERENCES

- Ayers, C. (1998). An Interpretative Dialogue: “First Love” and Bakhtin’s Categories of Meaning. In: *Beckett Versus Beckett*, 7. Amsterdam; Atlanta (GA): Rodopi. 391—406. ISBN 9789042007543.
- Buzina, T. V. (2011). Samoobozheniye melkogo besa v «Zapiskakh iz podpol’ya» F. M. Dostoevskogo [Self-deification of a petty demon in “Notes from the Underground” by F M Dostoevsky]. *Vestnik LGU im A. S. Pushkina* [Bulletin of Leningrad State University named after A. Pushkin], 1: 22—30. (In Russ.).
- Esslin, M. (2010). *Teatr absurda* [Theater of the absurd]. Sankt-Peterburg: Baltiyskiye sezony. 527 p. ISBN 978-5-903368-40-2.
- Hoffman, F. (1962). *Samuel Beckett: The Language of self*. Carbondale (IL): Southern Illinois University Press. 200 p.
- Kasatkina, T. A. (2019). *Dostoevskiy kak filosof i bogoslov: khudozhestvennyy sposob vyskazyvaniya* [Dostoevsky as a philosopher and theologian: an artistic way of expressing]. Moskva: Vodoley. 336 p. ISBN 978-5-91763-488-3. (In Russ.).
- Keler, K. (2007). Antigeroi u Dostoevskogo, Semyuelya Bekketa i Yudzina O’Nila [Antihero in Dostoevsky, Samuel Beckett and Eugene O’Neill]. In: *Dostoevskiy: materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: materials and research]. Sankt-Peterburg: Nauka. 274—280. ISBN 978-5-02-026501-1. (In Russ.).
- Kennedy, A. K. (1989). *Samuel Beckett*. Cambridge: CUP. 175 p. ISBN 9780521274883.
- Krinityn, A. B. (2001). *Ispoved’ podpolnogo cheloveka: k antropologii F. M. Dostoevskogo* [Confessions of an underground man: to the anthropology of F M Dostoevsky]. Moskva: Maks Press. 370 p. ISBN 5-317-00273-7. (In Russ.).
- Le Juez, B. (2010). *Beckett Before Beckett: Samuel Beckett’s Lectures on French Literature*. London: Souvenir Press. 96 p. ISBN 9780285638624.
- Levy, E. P. (1980). *Beckett and the Voice of Species: A Study of the Prose Fiction*. Totowa (NJ): Barnes & Noble Books. 145 p. ISBN 9780389200048.
- Mikeladze, N. E. (2014). Tri pritchi Tsarstviya Nebesnogo v pyese S. Bekketa «V ozhidanii Godo» [Three parables of the Kingdom of Heaven in the play by S. Beckett “Waiting for Godot”]. *Mediaskop* [Mediaskop], 2. Available at: <http://www.mediascope.ru/1534> (accessed: 23.11.2020). (In Russ.).
- Rosen, S. J. (1976). *Samuel Beckett and the Pessimistic Tradition*. New Brunswick (NJ): Rutgers University Press. 252 p. ISBN 9780813508092.
- Tarasov, B. N. (2019). «Zakon Ya» i «zakon lyubvi» v antropologii khristianskogo realizma F. M. Dostoevskogo i ekzistsentsialistskogo gumanizma Zh.-P. Sartra [“The law of I” and “the law of love” in the anthropology of Christian realism by F. M. Dostoevsky and the existentialist humanism of J.-P. Sartre]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Bulletin of the Russian Christian Academy for the Humanities], 2: 112—125. DOI: 10.25991/VRHGA.2019.20.3.011. (In Russ.).
- Webb, E. (1970). *Samuel Beckett: A Study of His Novels*. Seattle (WA): University of Washington Press. 192 p. ISBN 9780295950594.
- Zhivolupova, N. V. (2016). Pokayanny psalom, ispoved’ i teoditseya kak istochniki vnutrenney formy ispovedi antigeroya [Penitential psalm, confession and theodicy as sources of the internal form of antihero confession]. *Yazyk. Kultura. Kommunikatsiya* [Language. Culture. Communication], 1: 190—199. (In Russ.).